

НОИ

УНЗ

19

Н О Й

**АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ
ВЕСТНИК**

ИЗДАТЕЛЬ
И ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВАРДВАН ВАРЖАПЕТЯН

МОСКВА
1996

начал "да" независимости. Даже сменяющиеся условия представлялись не только необходимыми, но и достаточными. Словобы ли мы к построению государственности — так вопрос не стоит. Неудивительно поэтому, что в решающий момент сомнения были сброшены в пользу соблазнительной возможности утверждения чувства "национального достоинства".

Ситуация, в которой Армения оказалась сегодня, спустя два года после референдума (это написано в феврале 1993, — ред.), вполне может быть охарактеризована как трагическая. В качестве главных причин такого положения указываются, как правило: 1) общая неблагоприятная ситуация в бывшем СССР, 2) блокада со стороны Азербайджана и отчасти Грузии, 3) война с Азербайджаном, 4) бездарность и жадность обогативших нынешних правителей Армении, 5) некоторые отрицательные качества, которые считаются присущими народу в целом.

Справедливую позицию составляет первые три пункта (или четыре — в зависимости от того, что оправдывается). Эту позицию в целом можно считать оптимистической, ибо здесь ситуация оценивается как принципиально исправимая. Последний пункт выражает пессимистическую точку зрения. Это постулирование, пусть и не бытовые уроны, катастрофы, случившейся прежде возникшей Катастрофы.

Результаты референдума показывают отсутствие каких-либо сомнений в обоснованности наших претензий на самостоятельное существование. Сегодняшний кризис заставляет подыти к оценке наших возможностей со значительной долей скепсиса и проанализировать прежде всего "внутренний фактор". Видимо, единодушность положительного ответа на референдум была обусловлена не столько отчетливым пониманием наших реальных возможностей и исходной позиции, сколько мифологическим представлением о самих себе. Как совместить энтузиазм и убежденность, проявленные на референдуме, с сегодняшним пессимизмом? Независимость открывает возможности для Становления. Так по крайней мере казалось. Сегодня уже понятно, что к политическому становлению мы оказались не готовы, что необходимо было становление прежде Становления. Семьдесят лет относительно спокойного существования в составе сильного государства давали нам в этом смысле немалые возможности. Что помешало нам их использовать? В первую очередь — наша приверженность мифу.

Вместо попытки становления происходило постепенное возвращение к мифу, завершившееся его окончательным утверждением в конце 80-х годов.

Миф привлекателен прежде всего своей простотой. Не предполагая анализа смысла объекта, миф удовлетворяется его объяснением на своём языке, включением его в свою языковую и ценностную структуру. При достаточной развитости последний это не трудно, и мифологическая система обретает полноту. Непротиворечивость мифа в таком случае может быть обеспечена лишь за счёт исключения тех вопросов, которые создают возможность его разрушения. Таким образом, миф представляет осмысленно. Важным становится отношение к любой новой реальности, но не вычлечение её смысла.

Не потому ли мы вечно первые — первыми приняли христианство, первыми стали разваливать страну, первыми начали приватизацию? Не потому ли мы вечно первые, что, не утруждая себя пониманием, спешим высказать своё отношение к поверженному воспринятому?

Все, что не удаётся включить в мифологическую систему, становится либо опасным, враждебным, либо не нужным. Заключаясь в самой себе, будучи самодостаточной, мифологическая система оказывается не готовой к встрече с реальностью, когда эта встреча становится неизбежной.

Миф удобен своей неприязнательностью, неприбавительностью. Быть 'настоящим армянином' означает быть включённым в армянский миф. Это порождает своеобразный секуляризованный национализм, обильный и одновременно освобождённый от какой-либо ответственности, что и создаёт особую привлекательность мифа. В рамках этого секуляризованного национализма и возникает идея готовности к политическому становлению, основанная на ложной самооценке и сводящаяся к набору эффектных лозунгов. Тем сильнее оказывается разочарование.